

ЕКАТЕРИНА ВЕЛЬМЕЗОВА*

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ДИСКУССИЯ 1950 ГОДА КАК «СПОР» МАРРА И СТАЛИНА О ЗАКОНАХ**

Аннотация: Лингвистическая дискуссия 1950 года рассматривается в статье как «спор» двух лингвистических «парадигм», ориентированных на изучение языка как *langue* и языка как *langage*. Это демонстрируется через разное понимание понятия *языкового закона* Сталиным и создателем «нового учения о языке» Николаем Яковлевичем Марром (1864–1934). При этом анализируется ряд законов, сформулированных Марром (закон «общечеловеческого мышления», закон противоположных значений, закон диффузного смысла, закон функционального переноса, закон гибридизации) и утверждается, что взгляд Марра на языковые законы — прежде всего, законы семантики — существенно отличался от понимания семантических законов, имевшего место до него (в работах Мишеля Бреалья, Михаила Михайловича Покровского и др.). Основное различие состояло в том, что законы, о которых говорится в работах Марра, претендовали на статус универсальных не только в том смысле, что, как полагал Марр, они могли быть применимы ко всем существующим на свете языкам, но и в том смысле, что они вообще выходили за рамки лингвистики, претендуя на описание явлений, изучаемых и другими дисциплинами, или «доказывались» с привлечением фактов, анализируемых другими науками (биологией, антропологией, археологией и т. д.). В свою очередь, анализ общего контекста истории лингвистических идей, предшествовавшего дискуссии (в том числе, и контекста «кризиса» в языкознании на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков) позволяет говорить о различиях между законами, формулировавшимися для фонетики и для семантики.

Ключевые слова: история языкознания, языковые законы, Н. Я. Марр, Сталин, лингвистическая дискуссия 1950 года, семантика vs семиотика, *langue* vs *langage*.

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-4-75-89.

Понятие *закона* стало ключевым для европейского языкознания во второй половине девятнадцатого века, что во многом объяснялось позитивистскими установками, на которые ориентировалось получившее тогда широкое признание течение младограмматиков¹. Младограмматики формулировали диахронические законы, говоря о конкретных

*Вельмезова Екатерина Валерьевна, реабилитированный доктор наук, ординарный профессор, Лозаннский университет (Швейцария), Ekaterina.Velmezova@unil.ch.

** © Вельмезова, Е. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

¹Первым сформулированным в языкознании для конкретных языков законом чаще всего называется закон Гримма (1822 г.), описывающий изменение индоевропейских согласных в германских языках. Кроме того, до младограмматиков под законами могли пониматься и закономерности эволюции человеческого языка в целом.

языках или их группах. Стремясь активно вводить в лингвистику понятие *закона*, представители этого направления в лингвистике занимались прежде всего законами фонетическими. Гораздо реже речь шла о законах в синтаксисе или семантике². Неодинаковая разработанность разных языковых уровней в языкознании стала одной из причин так называемого кризиса в языкознании в начале двадцатого века, совпавшего с кризисом позитивизма как такового³. Одной из реакций на кризис в лингвистике стало появление работ «диссидентов индоевропеизма»: ученых, которые сохраняли общую историческую ориентацию исследований, однако меняли методы младограмматиков (Velmezova, 2007: 74–99). Одним из таких «диссидентов» и был Николай Яковлевич Марр (1864–1934), речь о котором пойдет дальше.

Имя Марра еще сегодня окружено коннотациями скорее отрицательными. Он печально известен как создатель «нового учения о языке», в начале двадцатых годов прошлого века объявивший войну «традиционному» (сравнительно-историческому) языкознанию. Сегодня большинство лингвистических теорий Марра не принимаются общим языкознанием, однако это не значит, что его учение не может представлять интереса и для историков языкознания. Соблюдая принцип эпистемологического нейтралитета, эксплицитно сформулированный, в частности, французским эпистемологом Сильвеном Ору (Augeux, 1989: 16; Velmezova, 2007: 55), историки языкознания могут с одинаковым вниманием относиться как к теориям прошлого, которые принимаются — хотя бы в какой-то мере — и сегодня, так и к теориям, которые современными лингвистами не признаются — как, например, «новое учение о языке» Николая Марра. Марр стал академиком еще в дореволюционные годы: так были признаны его заслуги в изучении кавказских языков и филологий (прежде всего, грузинской и армянской), во многом связанные и с его археологической деятельностью. Однако печально известен он стал благодаря учению, разработанному уже после революции 1917

²Хотя и такие законы тоже порой формулировались — например, имеющий непосредственное отношение к синтаксису закон Вакернагеля (1892 г.). О семантических законах в общем контексте развития истории семантики речь идет в нашей монографии (Velmezova, 2007: 76 и сл.); говорится о них и в этой статье.

³Одним их символов этого кризиса стала катастрофа «Титаника» в 1912 году, во многом положившая конец вере в позитивистскую науку: чудо науки и техники, этот корабль многим казался в принципе не потопляемым. Об этом кризисе в целом и об отдельных его параметрах см. *ibid.*: 65–73.

года (хотя и опирался Марр при этом отчасти на свои прежние исследования). Послереволюционная же лингвистика в России — а затем и в Советском Союзе — мечтала об обновлении, о новизне вслед за обновлением революционным, идеологическим (случай в истории наук далеко не уникальный). Если даже бегло перелистать работы по лингвистике, написанные в двадцатых годах прошлого века, можно только удивляться тому, с какой частотой появлялось в них выражение «марксистская лингвистика». Правда, общего определения «марксистской лингвистике» так и не было дано, каждый употреблявший это выражение исследователь чаще всего говорил о своем — и тем самым «марксистская лингвистика» чаще всего отсылала просто к чему-то принципиально новому. «Марксистская лингвистика» означала *новую лингвистику*, и часть этой новизны — по крайней мере, для Марра — была связана с исследованием семантики⁴.

Как писал сам Марр, в прежнем учении о языке существовали законы фонетики, но не было законов семантики (Марр, 1934: 103). Это, конечно, не так. Исследования семантики действительно отставали по сравнению с исследованиями других языковых уровней, но это не значит, что семантика не изучалась вообще и что попытки сформулировать ее законы до Марра не предпринимались⁵. Уже само слово *семантика* (в отличие от *семасиологии*, *сематологии* и т. д.) распространилось в науке о языке после публикации статьи, в заглавии которой присутствовало слово *закон* — речь идет о работе Мишеля Бреалья (Bréal, 1883; см. об этом Velmezova, 2007: 77); первая же часть известной книги Бреалья «Essai de sémantique (Science de significations)», изданной в 1897 году, начинается с определения понятия *закон*: «Мы называем *законом* [...] постоянное отношение, которое обнаруживается в серии явлений»⁶. Говоря о семантических законах, Бреаль обсуждает в своей книге такие явления, как сужение или расширение значения слова, метафору, полисемию и т. д. (ibid.: 92).

О семантических законах писали и в России. Вряд ли было бы вполне оправданным цитировать в этой связи работы Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ, не употреблявшего слова *закон* как такового,

⁴О «марризме и марксизме» см. Velmezova, 2007: 220 и слл..

⁵Более детально об этом см. ibid.: 76 и слл..

⁶«Nous appelons *loi* [...] le rapport constant qui se laisse découvrir dans une série de phénomènes» (Bréal, 1897: 11).

когда он писал об основных тенденциях семантических изменений (Бодуэн де Куртенэ, 1963: 100; Velmezova, 2007: 94–95); скорее следует напомнить о полузабытом сегодня Михаиле Михайловиче Покровском, формулировавшем конкретные семантические законы и таковыми их и называвшем. Убежденный в том, что «вариации значений слов, с виду капризные, в действительности подчинены определенным законам» (Покровский, 1959: 36), в работе 1896 года (Покровский, 1896) ученый сформулировал ряд семантических законов, которые претендовали на статус универсальных. Вот — для примера — один из этих законов, закон «темпоральных слов»: «[В]сюду, где условия жизни или внешняя природа связывают предметы и действия с определенным временем, имена, соответствующие этим предметам или действиям, или употребляются в качестве темпоральных имен, или даже переходят в чисто темпоральные слова» (Покровский, 1959: 30). Если, к примеру, петух поет утром, со временем петухи неизбежно начнут ассоциироваться с этим временем суток, в каком-то смысле приобретая значение утра. Отсюда, например, в русском языке такие выражения, как *вставать с петухами* или *вставать до петухов*, означающие «вставать рано утром»: вставать с петухами можно и в центре города, где петухи по утрам не поют⁷.

Уже один этот пример позволяет говорить о важном отличии между фонетическими законами в формулировках младограмматиков и семантическими законами, сформулированными учеными, о которых идет речь в этой статье. Фонетические законы касались конкретных языков или языковых групп — к примеру, уже упоминавшийся выше закон Гримма касался германских языков; семантические же законы практически всегда претендовали на статус универсальных.

Как уже отмечалось выше, считавший себя первооткрывателем семантических законов Н.Я. Марр претендовал и на создание особого направления в лингвистике, во многом связанного с исследованием семантики. Тем самым создатель «нового учения о языке» бросал вызов не только прошлому, но и современному ему научному знанию. В действительности же, как было показано, семантические законы формулировались лингвистами уже до Марра. Было ли, в таком случае, что-то новое, что Марр внес в понятие семантического закона? Безусловно, было.

⁷О «семасиологии» Покровского см. Velmezova, 2007: 96–98; Velmezova, 2006; Velmezova, 2008.

Принципиальная новизна состояла в том, что едва ли не каждый из семантических законов, о которых заходит речь в работах Марра, так или иначе отсылал к другим областям знания (Вельмезова, 2010).

Так, закон «общечеловеческого мышления» связан с тезисом о том, что в процессе эволюции все языки, и прежде всего их семантика, проходят одни и те же стадии развития (Марр, 1934: 37)⁸. Если бы Марр не пытался найти доказательств существования разных языковых стадий в семантике, этот закон вообще можно было бы назвать антропологическим: недаром при его формулировке Марр опирался прежде всего на работы столь любимого им Люсьена Леви-Брюля. Правда, до конца жизни Марр так и не сумел сформулировать, как именно разные стадии языкового развития отражались в семантике⁹. Единственным исключением была семантическая закономерность, сформулированная Марром для самой первой, древнейшей стадии языкового развития — на этой стадии развития все слова языка якобы были полисемичны и даже энантиосемичны, то есть совмещали в себе противоположные значения (например, «белый» и «черный», «день» и «ночь» и т. д.). Эта семантическая особенность первоязыка описывалась семантическим «законом противоположностей»: подтверждений ему Марр искал в конкретных языках, следуя еще средневековой лингвистической традиции, в Новое время получившей в языкознании продолжение благодаря одному из основных положений философии Гегеля — тезису об исходном единстве противоположностей как потенциальном источнике любого развития¹⁰.

Этот закон можно считать частным проявлением закона более общего, в соответствии с которым все первослова праязыка семантически были диффузны, совмещая в себе сразу несколько значений (самые известные комплексы значений, приводимых Марром в этой связи, — это «голова — гора — небо» и «вода — женщина — рука»¹¹). В свете связи марристской семантики с другими областями знания показательно здесь уже то, что, говоря об этом законе, Марр перенес в лингвистику закон «дифференциации» физической (прежде всего, биологической) материи, ранее

⁸Разумеется, Марр не был первым, кто говорил о существовании стадий в развитии языка; об особенностях его понимания *стадий* по сравнению с предшествующими работами ученых, интересовавшихся языками, см. Velmezova, 2007: 140 и слл.

⁹Подробный анализ этого закона см. в нашей монографии (ibid.: partie II, chapitre 1).

¹⁰См., напр., в *Феноменологии духа* (Hegel, Huppoltite, 1939: 18). Этот представленный у Марра закон также проанализирован в нашей монографии (Velmezova, 2007: 164–177).

¹¹См., напр., Марр, 1936: 265–266 и там же: 143. О примерах, приводимых Марром для подтверждения этого закона, см. Velmezova, 2007: 177–180.

сформулированный Гербертом Спенсером: сам Спенсер считал этот закон универсальным и пытался применять его к самым разным областям знания — истории общества, религии, психологии и т. д. (Spencer, 1855; Spencer, 1864; Spencer, 1882–1898; Velmezova, 2007: 207–209). Кроме того, в своих рассуждениях об этом законе Марр отнюдь не ограничивался лингвистикой, находя параллели и в развитии литературы — вспомним в этой связи, что он был учеником Александра Николаевича Веселовского, в «Трех главах из исторической поэтики» писавшего о первобытном диффузном синкретизме устного творчества, впоследствии расчленившегося на отдельные жанры (Веселовский, 2004)¹².

Другой областью знания, в которой Марр черпал доказательства для этого закона, была археология. Именно в археологии находил Марр доказательства для еще одного своего семантического закона: так называемого «закона функционального переноса», который и позднее упоминался в работах по общей семиотике (Степанов, 1971: 139; Степанов, 1990а: 439; Степанов, 1990б: 441). Согласно этому закону, название одного объекта переносится на другой при условии, что второй объект играет в обществе ту же роль, выполняет ту же функцию, что и предыдущий¹³. Так, например, пишет Марр, название собаки перенеслось на лошадь, так как в какой-то момент лошадь заменила собой собаку в качестве основного транспортного средства (Марр, 1933: 240). Сами советские археологи в тридцатые-сороковые годы прошлого века неоднократно писали о находках, подтверждающих этот закон: когда, например, обнаруживали захоронения лошадей в ритуальных масках собак — что должно было служить доказательством переноса слова, означающего «собака», на лошадь (Чакветадзе, 1933: 44; Кипарисов, 1933: 21; Миллер, 1933), и т. д.

Последний семантический закон, о котором писал Марр¹⁴ и о котором пойдет речь в этой статье, — это закон гибридизации. Согласно этому закону, при контактах двух языков слова этих языков, имеющие одно и то же значение, «склеиваются», причем слово-гибрид получает ту же семантику, что и семантика двух исходных слов¹⁵. Вот один из примеров этого закона, приводимый Марром: слово *музем* («земля») в языке коми

¹²О влиянии Веселовского на Марра см. Velmezova, 2007: 209–211.

¹³Подробный анализ этого закона представлен в нашей книге (ibid.: 237–248).

¹⁴Всего в работах Марра в связи с семантикой речь заходит о шести законах, чему посвящена наша книга (ibid.).

¹⁵См. Марр, 1936: 101. Об этом законе см. Velmezova, 2007: 212–216.

представляет собой гибридную единицу, образованную от *му-* (изначально означавшего в коми «земля»), «скрещенного» с *зем-* (имеющего то же значение в русском, см. *земля*) вследствие контактов двух народов, коми и русского (Марр, 1936: 131), и т. д. Этот закон, как и само понятие *гибридизации* в лингвистике, находит параллели прежде всего в биологическом дискурсе эпохи: Лев Берг в двадцатые годы прошлого века «перевернул» знаменитую дарвиновскую схему развития видов, заявив, что виды развиваются не дивергентно, но конвергентно, гибридной — то есть от множества к единству (Берг, 1922). Подобные же схемы появлялись в ту эпоху и в других областях научного знания — например, в литературном анализе (где можно вспомнить прежде всего об Ольге Михайловне Фрейденберг¹⁶), и — как мы видели — в лингвистике.

Итак, вот что нового Марр внес в понятие *семантических законов*: в отличие от прежних семантических законов, законы, о которых говорится в его работах, претендовали на статус универсальных не только в том смысле, что, как полагал Марр, они могли быть применимы ко всем существующим на свете языкам, но и в том смысле, что они выходили за рамки лингвистики, претендуя на описание явлений, изучаемых и другими дисциплинами¹⁷.

Как хорошо известно, конец господству марризма в языкознании был положен статьей Сталина, опубликованной в газете *Правда* 20 июня 1950 года; за этой статьей последовал ряд других публикаций Сталина о вопросах языка (Сталин, 1950). Публикации статьи от 20 июня предшествовала полуторамесячная дискуссия по вопросам языкознания, открытая 9 мая в той же газете *Правда* статьей Арнольда Степановича Чикобавы, в которой Марр и его учение резко критиковались. Начиная с 9 мая, каждую неделю *Правда* печатала статьи как промарристские, так и антимарристские, а также — порой — относительно нейтральные, авторы которых старались примирить марризм с более традиционной лингвистикой. Конец дискуссии был положен статьей Сталина, резко раскритиковавшей марризм.

Учение Марра Сталин критиковал сразу по нескольким основным пунктам: в частности, он не соглашался считать язык надстройкой над

¹⁶О влиянии Берга на Фрейденберг см. Брагинская, 1998: 751–752. Об интеллектуальных контактах Марра с Бергом и Фрейденберг см. Velmezova, 2007: partie III.

¹⁷В определенном смысле, эти законы можно назвать семиотическими — если под семиотикой подразумевать не только науку о знаках, но и «холистическую» дисциплину (Velmezova, Kull, 2011: 299; Вельмезова, 2010).

базисом (как это делал Марр), отрицал существование так называемых классовых языков (противопоставляемых языкам национальным) и возвращался к дивергентной схеме развития языков, в отличие от схемы конвергентной, адептом которой был Марр. Важное для Марра, слово *закон* по отношению к языкознанию было использовано в статье Сталина несколько раз. В определенном смысле, понятие *закона* может в данном случае служить своего рода лакмусовой бумажкой, позволяющей лучше понять позицию Сталина в отношении языкознания.

Итак, что же вкладывал в понятие *языкового закона* Сталин?

Прежде всего, главным в языкознании Сталин считал именно открытие языковых законов: «Не может быть сомнения, что теория скрещивания не может дать чего-либо серьезного советскому языкознанию. Если верно, что главной задачей языкознания является изучение внутренних законов развития языка, то нужно признать, что теория скрещивания не только не решает этой задачи, но даже не ставит ее, — она просто не замечает или не понимает ее» (Сталин, 1950: 45).

Чаще всего закон понимался им в диахроническом смысле по отношению к конкретному языку. Речь могла идти, например, о русском языке: «Что касается национальной самобытности русского языка, то она не испытала ни малейшего ущерба, ибо, сохранив свой грамматический строй и основной словарный фонд, русский язык продолжал продвигаться вперед и совершенствоваться по внутренним законам своего развития» (там же: 61–62) — или же о любом языке вообще: «Язык относится к числу общественных явлений, действующих за все время существования общества. Он рождается и развивается с рождением и развитием общества. Он умирает вместе со смертью общества. Вне общества нет языка. Поэтому язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка» (там же: 45–46); «[с]овершенно неправильно было бы думать, что в результате скрещивания, скажем, двух языков получается новый, третий язык, не похожий ни на один из скрещенных языков и качественно отличающийся от каждого из них. На самом деле при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает. Следовательно, скрещивание дает не какой-то новый, третий язык, а сохраняет один из языков, сохраняет его

грамматический строй и основной словарный фонд и дает ему возможность развиваться по внутренним законам своего развития» (Сталин, 1950: 60–61). Тем самым Сталин отчасти возвращался к интерпретации *закона*, предложенной младограмматиками.

В других контекстах понятие *закон* употребляется Сталиным в синхронном смысле — однако и здесь речь идет не об универсальных законах, каковыми были семантические законы Марра, а прежде всего — о законах отдельных, конкретных языков: «Следовательно, абстрагируясь от частного и конкретного как в словах, так и в предложениях, грамматика берет то общее, что лежит в основе изменений слова и сочетаний слов в предложениях, и строит из него грамматические правила, грамматические законы. Грамматика есть результат длительной абстрагирующей работы человеческого мышления, показатель громадных успехов мышления. В этом отношении грамматика напоминает геометрию, которая дает свои законы, абстрагируясь от конкретных предметов, рассматривая предметы как тела, лишенные конкретности, и определяя отношения между ними не как конкретные отношения таких-то конкретных предметов, а как отношения тел вообще, лишенные всякой конкретности» (там же: 49–50).

Что же касается законов, претендующих на универсализм (в том числе, и за пределами лингвистики), в статье Сталин скорее указывает на отсутствие таковых: «Вообще нужно сказать к сведению товарищей, увлекающихся взрывами, что закон перехода от старого качества к новому путем взрыва неприменим не только к истории развития языка, — он не всегда применим также и к другим общественным явлениям базисного или надстроечного порядка. Он обязателен для общества, разделенного на враждебные классы. Но он вовсе не обязателен для общества, не имеющего враждебных классов» (там же: 58). И лишь однажды речь у Сталина заходит о возможном существовании некоторых общих законов развития языка: «Н. Я. Марр высокомерно третирует всякую попытку изучения групп (семей) языков как проявление теории „праязыка“. А между тем нельзя отрицать, что языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению, что изучение языкового родства этих наций могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка. Понятно, что теория „праязыка“ не имеет к этому делу никакого отношения» (там же: 69).

Итак, учитывая разницу в интерпретациях понятия *закон* в работах Марра и в посвященных лингвистике и написанных в 1950 году текстах Сталина, можно говорить о том, что эта лингвистическая дискуссия

в значительной степени была дискуссией ... о законах¹⁸. В результате сталинской критики марризма значительно сузилось как понятие *закона* в советском языкознании, так и само исследовательское поле лингвистики. О лингвистике стали реже говорить в связи с другими науками, семантика (со свойственным ее исследователям в то время стремлением к поиску универсалий) не была больше в центре внимания ученых, зато появились работы по подробному описанию тех или иных языков — начиная с русского языка и создания в начале пятидесятых годов прошлого века первой грамматики русского языка, положившей начало традиции «академических грамматик» (Грамматика русского языка, 1952–1954).

Тем самым, если говорить о смене «парадигм»¹⁹ в советской лингвистике в начале пятидесятых годов прошлого века, можно обратиться к метафоре песочных часов, о которой писал в своей защищенной в 1986 году диссертации французский историк лингвистики Даниэль Баджони. Приведем его слова: «...история лингвистики может быть кратко представлена как чередование точек зрения, представляющих лингвистическое исследование как науку о языке вообще (т. е. о сложном процессе, включающем все измерения языкового акта) или же как науку о конкретном языке (т. е. объекте исследования строго ограниченном и потому исключающем многочисленные вопросы как к делу не относящиеся) ...»²⁰. В своей диссертации Баджони предложил модель песочных

¹⁸Отдельную подготавливаемую в настоящее время статью мы планируем посвятить анализу понятия *закон* в выступлениях других участников дискуссии, пока же ограничимся следующим замечанием: среди главных аргументов со сторон как противников, так и защитников марристских теорий мы находим, опять же, разные — даже противоположные — интерпретации понятия *закон*. Сторонники Марра настаивали на том, что, несмотря на отдельные ошибки, «новое учение о языке» позволяет говорить о законах, понимаемых в очень широком смысле слова, о законах, выходящих за пределы языкознания. Напротив, противники Марра подвергали резкой критике многочисленные ложные этимологии Марра, в основе которых было невладение Марром профессиональным языком сравнительно-исторического языкознания, в частности, невладение законами развития конкретных языков и их групп и семей.

¹⁹Это слово мы берем в кавычки из-за возможности легко оспорить принадлежность языкознания к «нормальным наукам», для которых понятие *парадигмы* было введено Томасом Куном (Kuhn, 1962).

²⁰«...l'histoire de la linguistique peut se résumer par l'alternance entre un point de vue envisageant la recherche linguistique comme science du *langage*, processus complexe intégrant toutes les dimensions de l'acte langagier [...] ou comme science de la *langue*, objet de recherche strictement limité et excluant de ce fait de nombreuses questions comme non pertinentes...» (Baggioni, 1986: 10).

часов для иллюстрации чередования языка-*langue* и языка-*langage* как центров интересов европейских лингвистов в конце девятнадцатого — начале двадцатого веков. В конце девятнадцатого века лингвисты изучали в основном конкретные языки (*langues*) прежде всего в их фонетическом и морфологическом аспектах (вспомним опять же о школе младограмматиков), объект лингвистики был узким, что соответствовало узкой горловине между двумя широкими сосудами в песочных часах. Но в начале двадцатого века объект лингвистики существенно расширяется: лингвисты активно сотрудничают с географами, психологами, литературоведами и т. д., и объект изучения лингвистики перемещается в сторону широкого сосуда песочных часов. В каком-то смысле, Марра и его «новое учение о языке» вместе с представленными в нем семантическими законами можно считать наследниками этой традиции: семантические законы понимались Марром в широком, выходящем за пределы самой лингвистики, смысле слова. Сталин же своим вмешательством снова сужает основной объект изучения лингвистики, возвращая его к конкретным языкам (горловина песочных часов)²¹. Именно поэтому на смену языковым законам в их широком понимании приходят теперь законы в понимании узком, не выходящем за рамки отдельных языков.

ЛИТЕРАТУРА

- Берг Л. С. Номогенез, или эволюция на основе закономерностей. — Пб. : Государственное издательство, 1922.
- Бодуэн де Куртене И. А. Подробная программа лекций в 1876–77 учебном году // Избранные работы. В 2 т. Т. 1 / сост. В. П. Григорьева, А. А. Леонтьева. — М. : Издательство Академии наук СССР, 1963. — С. 88–107.
- Брагинская Н. В. Послесловие ко второму изданию // Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. — М. : Наука, 1998. — С. 774–765.
- Вельмезова Е. В. Законы семантики vs. законы семиотики в «новом учении о языке» Н. Я. Марра // Современная семиотика и гуманитарные науки / под ред. В. В. Иванова. — М. : Языки славянских культур, 2010. — С. 376–384.
- Веселовский А. Н. Три главы из исторической поэтики // Историческая поэтика. — М. : Эдиториал УРСС, 2004. — С. 200–380.
- Грамматика русского языка : в 2 т. / под ред. В. В. Виноградова, Е. С. Истриной, А. С. Бархударова. — М. : Издательство АН СССР, 1952–1954.
- Кипарисов Ф. В. Вещь — исторический источник // Из истории докапиталистических формаций : сборник статей к сорокалетию научной деятельности

²¹В каком-то смысле, об этом же речь шла и в *Курсе общей лингвистики*.

- Н. Я. Марра / под ред. А. Г. Пригожина. — М. : ОГИЗ Государственное социально-экономическое издательство, 1933. — С. 21–34.
- Марр Н. Я.* Избранные работы. В 5 т. Т. 1. — Л. : Издательство государственной академии истории материальной культуры, 1933.
- Марр Н. Я.* Избранные работы. В 5 т. Т. 3. — Л. : Государственное социально-экономическое издательство, 1934.
- Марр Н. Я.* Избранные работы. В 5 т. Т. 2. — Л. : Государственное социально-экономическое издательство, 1936.
- Миллер А. А.* Элементы «неба» в вещественных памятниках // Из истории докапиталистических формаций : сборник статей к сорокалетию научной деятельности Н. Я. Марра / под ред. А. Г. Пригожина. — М. : ОГИЗ Государственное социально-экономическое издательство, 1933. — С. 125–157.
- Покровский М. М.* О методах семасиологии : речь, произнесенная в Московском университете перед защитой диссертации «Семасиологические исследования в области древних языков» // Филологическое обозрение. — 1896. — Т. 10, № 1. — С. 3–10.
- Покровский М. М.* Избранные работы по языкознанию / под ред. В. В. Виноградова. — М. : Издательство АН СССР, 1959.
- Сталин И. В.* Марксизм и вопросы языкознания. — М. : Государственное издательство политической литературы, 1950.
- Степанов Ю. С.* Семиотика. — М. : Наука, 1971.
- Степанов Ю. С.* Семантика // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. — М. : Советская энциклопедия, 1990а. — С. 438–440.
- Степанов Ю. С.* Семиотика // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. — М. : Советская энциклопедия, 1990б. — С. 440–442.
- Чакветадзе Ш. А.* Новая ступень в науке // Из истории докапиталистических формаций : сборник статей к сорокалетию научной деятельности Н. Я. Марра / под ред. А. Г. Пригожина. — М. : ОГИЗ Государственное социально-экономическое издательство, 1933. — С. 34–44.
- Auroux S.* Introduction // Histoire des idées linguistiques. En 3 t. Т. 1 / sous la dir. de S. Auroux. — Liège : Mardaga, 1989. — P. 13–55.
- Baggioni D.* Langue et langage dans la linguistique européenne (1876–1933) : en 3 t. — Grenoble : Comages, 1986.
- Béal M.* Les lois intellectuelles du langage: fragment de sémantique // Annuaire de l'Association pour l'encouragement des études grecques en France. — 1883. — Т. 17. — P. 132–142.
- Béal M.* Essai de sémantique : Science des significations. — Paris : Hachette et Cie, 1897.
- Hegel G. W. F.* Phénoménologie de l'esprit. En 2 t. Т. 1 / trad. de l'allemand par J. Hyppolite. — Paris : Aubier, 1939.
- Kuhn T.* The Structure of Scientific Revolutions. — Chicago : University of Chicago Press, 1962.

- Spencer H.* The Principles of Psychology. — London : Longmans, 1855.
- Spencer H.* First Principles. — London : Williams, Norgate, 1864.
- Spencer H.* The Principles of Sociology : in 3 vols. — London : Williams, Norgate, 1882–1898.
- Velmezova E.* La sémasiologie de M. Pokrovskij : entre l'Est et l'Ouest // *Slavica Occitania*. — 2006. — Т. 22. — P. 33–44.
- Velmezova E.* Les lois du sens : la sémantique marriste. — Bern : Peter Lang, 2007.
- Velmezova E.* The Social Semantics of Mikhail Pokrovskij and Nikolaj Marr // *Studies in the East European Thought*. — 2008. — Vol. 60, no. 4. — P. 349–362.
- Velmezova E., Kull K.* Interview with Vyacheslav V. Ivanov About Semiotics, the Languages of the Brain and History of Ideas // *Sign Systems Studies*. — 2011. — Vol. 39, no. 2/4. — P. 290–313.

Vel'mezova, Ye. V. [Velmezova, E. V.] 2019. "Lingvisticheskaya diskussiya 1950 goda kak 'spor' Marra i Stalina o zakonakh [Linguistic Discussion of 1950 as Marr and Stalin's 'Debate' on Laws]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* III (4), 75–89.

ЕКАТЕРИНА ВЕЛМЕЗОВА

DR. HAB., ORDINARY PROFESSOR OF SLAVIC STUDIES AT THE UNIVERSITY OF LAUSANNE, SWITZERLAND

LINGUISTIC DISCUSSION OF 1950 AS MARR AND STALIN'S "DEBATE" ON LAWS

Abstract: The linguistic discussion of 1950 is considered in the article as a "dispute" of two linguistic "paradigms" oriented to the study of language as *langue* and language as *langage*. This is demonstrated through a different understanding of the concept of *language law* by Stalin and by the creator of the "new theory of language" Nikolay Yakovlevich Marr (1864–1934). At the same time, a number of laws formulated by Marr (the law of "universal human thinking", the law of opposite meanings, the law of diffuse meanings, the law of functional transfer, the law of hybridization) are analyzed, and it is argued that Marr's view on language laws—above all, on the laws of semantics—was significantly different from the understanding of semantic laws which was accepted before him (in the works of Michel Bréal, Mikhail Mikhailovich Pokrovskiy, etc.). The main difference consisted in the fact that the laws referred to in the works of Marr, claimed the status of universal, not only in the sense that, as Marr believed, they could be applicable to all existing languages, but also in the sense that they generally went beyond linguistics, claiming to describe phenomena studied by other disciplines or "proved" with the involvement of facts analyzed by other sciences. In turn, analysis of the general context of the history of linguistic ideas that preceded the discussion (including the context of "crisis" in linguistics at the turn of the nineteenth and twentieth centuries) allows to state some differences between linguistic laws formulated for phonetics and semantics.

Keywords: History of Linguistics, Linguistic Laws, N. Ya. Marr, Stalin, Linguistic Discussion of 1950, Semantics vs Semiotics, *langue vs langage*.

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-4-75-89.

REFERENCES

- Auroux, S. 1989. "Introduction" [in French]. In vol. 1 of *Histoire des idées linguistiques*, ed. by S. Auroux, 13–55. 3 vols. Liège: Mardaga.
- Baggioni, D. 1986. *Langue et langage dans la linguistique européenne (1876–1933)* [in French]. 3 vols. Grenoble: Comages.
- Berg, L. S. 1922. *Nomogenez, ili evolyutsiya na osnove zakonomernostey* [Nomogenesis or Evolution Determined by Laws] [in Russian]. Peterburg [Petersburg]: Gosudarstvennoye izdatel'stvo.
- Boduen de Kurten-e, I. A. 1963. "Podrobnaya programma lektsiy v 1876–77 uchebnom godu [Detailed Program of Lectures in the 1876–77 Academic Year]" [in Russian]. In vol. 1 of *Izbrannyye raboty* [Selected Works], comp. V. P. Grigor'yev and A. A. Leont'yev, 88–107. 2 vols. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- Braginskaya, N. V. 1998. "Poslesloviye ko vtoromu izdaniyu [Afterword to the Second Edition]" [in Russian]. In *Mif i literatura drevnosti* [Myth and Literature of Antiquity], by O. M. Freydenberg, 774–765. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Bréal, M. 1883. "Les lois intellectuelles du langage: fragment de sémantique" [in French]. *Annuaire de l'Association pour l'encouragement des études grecques en France* 17:132–142.
- . 1897. *Essai de sémantique: Science des significations* [in French]. Paris: Hachette et Cie.
- Chakvetadze, Sh. A. 1933. "Novaya stupen' v nauke [New Stage in Science]" [in Russian]. In *Iz istorii dokapitalisticheskikh formatsiy* [From the History of Pre-capitalist Formations]: *sbornik statey k sorokap'yatiletiyu nauchnoy deyatel'nosti N. Ya. Marra* [Collection of Articles for the Forty-Fifth Anniversary of the Scientific Activity of N. Ya. Marr], ed. by A. G. Prigozhin, 34–44. Moskva [Moscow]: OGIz Gosudarstvennoye sotsial'no-ekonomicheskoye izdatel'stvo.
- Hegel, G. W. F. 1939. [in French]. Vol. 1 of *Phénoménologie de l'esprit*, trans. from the German by J. Hyppolite. 2 vols. Paris: Aubier.
- Kiparisov, F. V. 1933. "Veshch' — istoricheskiy istochnik [Object as a Historical Source]" [in Russian]. In *Iz istorii dokapitalisticheskikh formatsiy* [From the History of Pre-capitalist Formations]: *sbornik statey k sorokap'yatiletiyu nauchnoy deyatel'nosti N. Ya. Marra* [Collection of Articles for the Forty-Fifth Anniversary of the Scientific Activity of N. Ya. Marr], ed. by A. G. Prigozhin, 21–34. Moskva [Moscow]: OGIz Gosudarstvennoye sotsial'no-ekonomicheskoye izdatel'stvo.
- Kuhn, T. 1962. *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago: University of Chicago Press.
- Marr, N. Ya. 1933. [in Russian]. Vol. 1 of *Izbrannyye raboty* [Selected Works]. 5 vols. Leningrad: Izdatel'stvo gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury.
- . 1934. [in Russian]. Vol. 3 of *Izbrannyye raboty* [Selected Works]. 5 vols. Leningrad: Gosudarstvennoye sotsial'no-ekonomicheskoye izdatel'stvo.
- . 1936. [in Russian]. Vol. 2 of *Izbrannyye raboty* [Selected Works]. 5 vols. Leningrad: Gosudarstvennoye sotsial'no-ekonomicheskoye izdatel'stvo.
- Miller, A. A. 1933. "Elementy 'neba' v veshchestvennykh pamyatnikakh [Elements of 'Sky' in Material Monuments]" [in Russian]. In *Iz istorii dokapitalisticheskikh formatsiy* [From the History of Pre-capitalist Formations]: *sbornik statey k sorokap'yatiletiyu nauchnoy deyatel'nosti N. Ya. Marra* [Collection of Articles for the Forty-Fifth Anniversary of the Scientific Activity of N. Ya. Marr], ed. by A. G. Prigozhin, 125–157. Moskva [Moscow]: OGIz Gosudarstvennoye sotsial'no-ekonomicheskoye izdatel'stvo.

- Pokrovskiy, M. M. 1896. "O metodakh semasiologii [On the Methods of Semasiology]: rech', proiznesennaya v Moskovskom universitete pered zashchitoy dissertatsii 'Semasiologicheskiye issledovaniya v oblasti drevnikh yazykov' [Speech Delivered at the Moscow University Before the Defense of the Thesis 'Semasiological Research in the Field of Ancient Languages']" [in Russian]. *Filologicheskoye obozreniye* 10 (1): 3–10.
- . 1959. *Izbrannyye raboty po yazykoznaniiyu [Selected Works on Linguistics]* [in Russian]. Ed. by V. V. Vinogradov. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Spencer, H. 1855. *The Principles of Psychology*. London: Longmans.
- . 1864. *First Principles*. London: Williams / Norgate.
- . 1882–1898. *The Principles of Sociology*. 3 vols. London: Williams / Norgate.
- Stalin, I. V. 1950. *Marksizm i voprosy yazykoznaniiya [Marxism and Problems of Linguistics]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- Stepanov, Yu. S. 1971. *Semiotika [Semiotics]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nauka.
- . 1990a. "Semantika [Semantics]" [in Russian]. In *Lingvisticheskii entsiklopedicheskiy slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary]*, ed. by V. N. Yartseva, 438–440. Moskva [Moscow]: Sovet'skaya entsiklopediya.
- . 1990b. "Semiotika [Semiotics]" [in Russian]. In *Lingvisticheskii entsiklopedicheskiy slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary]*, ed. by V. N. Yartseva, 440–442. Moskva [Moscow]: Sovet'skaya entsiklopediya.
- Velmezova, E. 2006. "La sémasiologie de M. Pokrovskij: entre l'Est et l'Ouest" [in French]. *Slavica Occitania* 22:33–44.
- . 2007. *Les lois du sens: la sémantique marriste* [in French]. Bern: Peter Lang.
- . 2008. "The Social Semantics of Mikhail Pokrovskij and Nikolaj Marr." *Studies in the East European Thought* 60 (4): 349–362.
- . 2010. "Zakony semantiki vs. zakony semiotiki v 'novom uchenii o yazyke' N. Ya. Marra [Semantic vs. Semiotic Laws in the 'New Theory of Language' of N. Ya. Marr]" [in Russian]. In *Sovremennaya semiotika i gumanitarnyye nauki [Modern Semiotics and Humanities]*, ed. by V. V. Ivanov, 376–384. Moskva [Moscow]: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
- Velmezova, E., and K. Kull. 2011. "Interview with Vyacheslav V. Ivanov About Semiotics, the Languages of the Brain and History of Ideas." *Sign Systems Studies* 39 (2/4): 290–313.
- Veselovskiy, A. N. 2004. "Tri glavy iz istoricheskoy poetiki [Three Chapters from Historical Poetics]" [in Russian]. In *Istoricheskaya poetika [Historical Poetics]*, 200–380. Moskva [Moscow]: Editorial URSS.
- Vinogradov, V. V., Ye. S. Istrina, and A. S. Barkhudarov, eds. 1952–1954. *Grammatika russkogo yazyka [Grammar of the Russian Language]* [in Russian]. 2 vols. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo AN SSSR.